

рей. Царемъ можетъ быть названъ каждый человекъ, умѣющій благоразумно и мудро управлять и владѣть собою“. — „Царь ли ты, спрашиваетъ мудрый нищаго, и гдѣ твое царство?“ — „Тамъ“, отвѣчаетъ нищій, указывая перстомъ на небо: „царь есть тотъ, для кого царство написано въ книгѣ судебъ особыми отличительными чертами“. Желая положить конецъ вопросамъ, спрашиваетъ мудрый нищаго: „У кого ты, старче, научился тому, что ты мнѣ изложилъ теперь въ своихъ отвѣтахъ, кто вложилъ тебѣ въ умъ это?“ — „Открою тебѣ поистинѣ и это, господинъ! Я всѣ дни провожу въ молчаніи, въ молитвахъ, или добрыхъ и благочестивыхъ размышленіяхъ, а болѣе всего постоянно содержу въ умѣ и памяти тѣсненіе о томъ, какъ бы мнѣ крѣпче и тѣснѣе войти въ единеніе съ Богомъ чрезъ безграничную покорность Его святѣйшей волѣ. Такое посвященіе себя всецѣло Богу можетъ научить усерднаго человека многому истинному, доброму, святому, какъ въ знаніи, такъ и въ жизни“. О многомъ хотѣлъ еще спрашивать мудрый у нищаго духомъ, но имѣя твердую надежду найти для этого другое благопріятное время, простился съ нимъ, говоря: „Будь здоровъ, старче!“ и ушелъ отъ него, внутренне размышляя въ себѣ много, какъ бы говоря: вотъ нашелъ я истиннаго учителя праваго пути къ Богу.

Выписку сдѣлалъ протоіерей Григорій Тутолминъ.

Думы пастыря.

„Увижу ль я народъ освобожденный и рабство, падшее по манію царя!“ — восклицалъ поэтъ, — свидѣтель народнаго горя и слезъ времени крѣпостнаго права. Думаю, что не одинъ я, а многіе изъ собратій моихъ много-много разъ повторяли эти слова поэта, имѣя предъ глазами своими все зло, весь ужасъ, порождаемый рабствомъ тягчайшимъ, чѣмъ крѣпостное право, рабствомъ зеленаго змія.

Чего-чего мы, пастыри стада Христова, не насмотрѣлись на своемъ вѣку, надъ чѣмъ не наплакались, надъ чѣмъ не скорбѣли душой! Мы видѣли, какъ задыхался отъ винныхъ паровъ нашъ родной народъ, видѣли, какъ подъ вліяніемъ алкоголя падала его духовная и физическая мощь, какъ параллельно тому возрастала его нищета и убоже-

ство моральное и матеріальное. Глазами, полными слезъ, наблюдали мы, какъ въ пьяномъ угарѣ „дерутся и рѣжутся братья и мать дочерей продаетъ“, какъ „братъ не зналъ пощады брату, на мать сынъ руку поднималъ“. Видѣли мы все это, скорбѣли объ этомъ душой, боролись со зломъ, кто какъ умѣлъ и какъ могъ и, изнемогая въ упорной борьбѣ съ могучимъ врагомъ, возводили свои скорбныя очи къ небу, къ Богу щедротъ и всякія утѣхи, отсылали свои сердечные вздохи туда, откуда изливается на матушку Русь всякое даяніе благое и всякій даръ — къ престолу Царя, не презреть ли Онъ милостивымъ окомъ Своимъ на насъ слабыхъ и хилыхъ, не повелитъ ли Своимъ державнымъ словомъ затворить „двери разврата, горя и стыда“, двери, изъ которыхъ выходятъ люди-звѣри, забывшіе путь чести и труда.

И внялъ Господь чьей-то усердной молитвѣ, возглагола въ сердцѣ царевомъ благая о церкви своей. Провѣдалъ Царь-Батюшка про наше горькое „жительство“, нужду, увидѣлъ нашъ Родимый горемычную слезу“, молвилъ свое царское слово, — и чудо стало, сбылось наяву то, чего мы такъ страстно желали, что лелѣяли въ своихъ мечтахъ... Прекратилъ свои прогулки по русскому царству злой-лихой богатырь, змій зеленый, не видно теперь, не расходятся чарки, не „бушуетъ рѣкою вино“, не раздаются теперь „пьяный вой и проклятья надъ родною нашей страной“.

Правда, и теперь льются слезы, но не дешевыя слезы пьянчужки, не горькія слезы его несчастной семьи, льются слезы святыя, горячія слезы молитвы о дорогихъ нашему сердцу герояхъ, мученикахъ и страстотерпцахъ за родину. Правда, и теперь слышны стоны, но не стоны отъ побоевъ пьянаго мужа, а тихіе стоны сердечной тоски по милымъ, роднымъ и любимымъ. Всюду настроеніе тихое, мирное, святое, умиленное...

Всталъ великій духъ народа,

Всталъ могучій во весь ростъ.

Братство, равенство, свобода

Къ небесамъ воздвигли мостъ.

По нему, въ сіяньи свѣта,

Къ людямъ вновь пришла любовь.

Злое царство скрылось гдѣ-то,

Искупленья льется кровь“...

О, если бь это злое царство сгнуло навсегда, если бь зеленый змій пьянства навсегда убралъ съ русской земли свой звѣринный обликъ!.. Но что, если это только минутный порывъ? Что, если, по минованіи военной грозы, вновь отворятся двери „казенки“, вновь забушуетъ вино? Что, если то святое, мирное настроеніе, которое мы сейчасъ переживаемъ, не смотря на всѣ бѣдствія военнаго времени, — не болѣе, какъ сладкій, но кратковременный сонъ? Если такъ, то сколь горько будетъ для насъ пробужденіе отъ этого сна! Пришибленный, придавленный змій пьянства, выйдя изъ своего невольнаго заточенія, безъ сомнѣнія, чтобы наверстать потерянное, воспрянетъ съ большею силою. И, вотъ, послѣ славной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ (надѣмся и вѣримъ въ эту побѣду), вновь возгорится война, война жестокая, междуусобная; вмѣсто торжества и ликованія вновь польются слезы и кровь, вмѣсто побѣдныхъ кликовъ вновь раздадутся надъ русской страной пьяные вопли и стонъ...

Господи, спаси насъ отъ часа сего! Загради уста, глаголющихъ неправедная, будто безъ питейнаго дѣла не устоять землѣ русской! Возвесели силою Твоею благовѣрнаго Императора нашего Николая Александровича, покори подъ нозѣ его злѣйшаго врага и супостата, злѣйшаго всякаго нѣмца-башибузука, народное пьянство!.. Подай намъ, Боже, увидѣть свой народъ освобожденнымъ и рабство, падшее по маію царя!

Священникъ *Николай Тихоміровъ*.

Тобольская семинарія при ректорѣ архимандритѣ Іліи Шумилевичѣ (1773—1784 г.) *).

Касаясь общихъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи „Мнѣнія“ Іліи, должно сказать, что въ своихъ основоположеніяхъ и частныхъ правилахъ и указаніяхъ оно является воспроизведеніемъ порядковъ, существовавшихъ въ Кіевской академіи и закрѣпленныхъ не только практикой, но и письменными документами. Въ исторіи Кіевской академіи извѣстна особая инструкція, опредѣлявшая предметы и время ихъ преподаванія для каждаго класса, составленная Георгіемъ Конисскимъ въ бытность его ректоромъ академіи и утвержденная митрополитомъ Ти-

*) См. № 28 „Тобольск. Епархіальн. Вѣдомост.“ за 1914 г.